

Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга – Свердловска. Свердловск, [б. и.] 1950. С. 45–98.

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М.: История заводов, 1937.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 24. Уральское горное управление.

Ф. 101. Уральское общество любителей естествознания.

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : энциклопедия / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2001.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

Сафронова А. М. Деятельность первой школы при Кушвинском заводе в контексте политики горных властей (1739–1745 гг.) // Историко-культурное наследие в институциональном измерении : материалы II Урал. ист.-арх. форума, посвящ. 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Урал. федер. ун-те. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 102–108.

Сафронова А. М. Определение Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов 1742 г. о сокращении сети школ при заводах и его последствия // Науч. вестн. Крыма. 2023. № 4. URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/987> (дата обращения: 11.08.2023).

Сафронова А. М., Кравченко О. С. Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 183–190.

Черкасова А. С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М.: Наука, 1985.

УДК 94(470.13).05/06

А. К. Гагиева

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В XVIII в. (НА ПРИМЕРЕ КОМИ КРАЯ)

В статье рассматривается роль крестьянской поземельной общины в урегулировании поземельных конфликтов как внутри волости, так и вне ее. Население, проживавшее на территории Коми края, в изучаемое время относилось к разряду черносошных, а впоследствии государственных крестьян. За пользование землей они платили налоги и отбывали повинности

не в пользу частного землевладельца, а в пользу государства. Контроль над сбором налогов осуществляло выборное крестьянское управление. Последнее следило за тем, чтобы земля не выходила из тягла и решало поземельные конфликты исключительно в пользу крестьянского общества и отдельного крестьянина. Особенно ярко это проявилось при урегулировании поземельных конфликтов с частными землевладельцами, заводладельцами и мещанами. Такой порядок был связан с тем, что поземельные отношения в крестьянской общине определяли жизнь и мироустройство каждой крестьянской семьи, деревни и волости и, в конечном счете, создавали прочную основу развития государства, где крестьянство являлось главным производителем сельскохозяйственной продукции, а сельское хозяйство – основой экономики.

Ключевые слова: северная деревня в XVIII в., Яренский и Усть-Сысольский уезды, община, государственное крестьянство, поземельные конфликты, надел, пашня, сенокос.

Изучение поземельно-хозяйственной функции крестьянской поземельной общины связано прежде всего с тем, что она определяла жизнь и мироустройство каждой крестьянской семьи, деревни и волости. Это, в конечном счете, создавало прочную основу развития государства, где крестьянство являлось главным производителем сельскохозяйственной продукции, а сельское хозяйство – основой экономики.

Кроме того, тема актуальна по причине отсутствия исследований по истории общины крестьян Коми края в XVIII в. Цель статьи – проанализировать роль крестьянской поземельной общины в урегулировании поземельных конфликтов в северной деревне XVIII в. Для достижения поставленной цели и более детального анализа вопроса мы рассмотрели поземельные отношения в Коми крае, где роль общины в урегулировании поземельных отношений была определяющей. Можно предположить, что это было типично для государственных крестьян Европейского Севера в исследуемое время.

Изучение истории крестьянских поземельных союзов Европейского Севера занимает особое место в историографии. По данным исследователей, только истории северной общины досоветского периода посвящено 113 работ, среди которых монографии, статьи, очерки и др. [Гагиева 1987, с. 3–5]. Первым, кто обратил внимание на активный обмен землями внутри крестьянской общины Севера России, был М. М. Богословский. Он проанализировал ряд письменных источников XVII в. и отметил, что в Поморье «владельцы черной земли совершают на свои участки все акты распоряжения; продают их, закладывают, меняют, дарят, отдают в приданное, завещают, притом целиком или делят их на части...» [Богословский 1909–1912, с. 53–56].

К этим же выводам пришли и ученые, изучавшие крестьянскую общину у крестьян Коми края начала XX в. Так, И. Красноперов по-

казал особенности поземельных отношений здесь и поддержал концепцию М. М. Богословского [Красноперов, 1908, с. 123–125]. Аналогичной точки зрения придерживался и М. Большаков [Большаков 1909, с. 110–130]. И тот, и другой подчеркивали особенности ведения крестьянского хозяйства в крае, его подворно-долевой характер, где представление о земле как о собственности лежало в основе традиционного уклада жизни.

Советские историки также обращали внимание на особенности землепользования у крестьян Европейского Севера XVIII в. Исследования П. А. Колесникова и А. И. Копанева внесли вклад в изучение аграрной истории не только региона, но и страны [Колесников, 1976; Копанев, 1984]. Нельзя не отметить и вклад исследователей, изучавших поземельные отношения в крестьянских общинах финно-угорских регионов [Никитина, 1984; Козлова, 1978; Кузьмин, 2010, с. 241–246 и др.], а также центральных районов России [Александров, 1976; Прокофьева, 1981] и Сибири [Миненко, 1991; Громыко 1965]. Ученые совершенно справедливо отмечали, что отношение крестьянства к правительственным мерам по крестьянскому землепользованию было неоднозначным. Земля находилась в постоянном обороте, и крестьяне рассматривали ее как собственность, пользовались и распоряжались по своему усмотрению.

В историографии Республики Коми вопросы землевладения и землепользования также нашли свое отражение. Первой, кто обратил внимание на этот сюжет, была Д. Д. Балуева. Ее кандидатская диссертация, а также опубликованные работы посвящены поземельным отношениям и положению крестьянства Коми края в XVIII в. [Балуева 1958а, с. 50–59; 1958б, с. 222–242]. Автор, изучая поземельные отношения, совершенно справедливо указывала, что удобные для хлебопашества земли находились в бессрочном условном пользовании крестьян, которыми они распоряжались по своему усмотрению. Выводы автора были повторены в общих работах по истории Республики Коми, где основное внимание было уделено землепользованию и землевладению, истории сельскохозяйственного производства, агротехнике и т. д. [История... 2004, с. 237–243; Очерки по истории...1955, с. 129]. Исследователи сошлись во мнении, что в Коми крае у государственных крестьян существовало подворно-наследственное землепользование с правом свободного распоряжения участками, т. е. существовали устойчивые практики проведения сделок с землей, передач их по наследству, обмену и т. д. Однако в работах не нашли отражения вопросы, связанные с изучением роли крестьянской поземельной общины в урегулировании поземельных конфликтов в северной деревне XVIII в., что еще более усиливает актуальность заявленной темы.

Основой методики исследования стал системный подход. Были использованы также системно-структурный, исторический, формально-юридический и некоторые другие методы. С их помощью были проанализированы опубликованные и неопубликованные документы. Последние традиционно делились на директивные (постановления и решения), организационные (протоколы заседаний), коммуникативные (переписка), учетно-отчетные (отчеты). Архивные источники были представлены архивными фондами, отложившимися в различных архивохранилищах страны: Российского государственного архива древних актов [РГАДА, ф. 609, оп. 1–3]; Государственного архива Вологодской области [ГАВО, ф. 844, оп. 1]; Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН [НА КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 12, д. 45; ф. 5, оп. 2, д. 401]. Были изучены постановления воеводской канцелярии, уездного суда, документы волостных органов управления, отчеты и донесения представителей волостной и уездной администраций по вопросам землевладения и землепользования. Для решения задач исследования также был привлечен массив опубликованных источников – нормативные и законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи [ПСЗРИ-1].

Необходимо признать, что исследователям, которые занимались и сегодня занимаются проблемами феодализма, представленные исторические источники хорошо известны. Тем не менее, для изучения роли крестьянской поземельной общины в урегулировании поземельных конфликтов в северной деревне XVIII в. на примере Коми края они привлечены впервые.

Как уже неоднократно упоминалось, термин «Коми край» – условный. Он включал территории, заселенные народом коми [Гагиева, 2022]. Это бассейны рек Вычегды, Печоры, Сысолы и их притоков на северо-востоке страны. В административном отношении они входили в состав Яренского, а с 1780 г. – Усть-Сысольского уезда Архангелогородской и Сибирской губерний. В 1780 г. в связи с образованием Вологодского наместничества северные волости вошли в Пустозерский уезд, Пысская волость – в Мезенский уезд Архангелогородского наместничества, а с 1796 г. – в Архангелогородскую губернию. Район рек Лузы и Летки перешел в Лальский уезд Великоустюжской области, а с 1796 г. – в Усть-Сысольский уезд. В 1780 г. Яренский уезд был разделен на Яренский и Усть-Сысольский уезды Вологодской губернии, где проживало более 67 тыс. чел. [История..., 2004, с. 224].

Все административно-судебные полномочия с 1723 г. были у воеводы. Он возглавлял воеводскую канцелярию и сосредоточил в своих руках всю полноту власти в уезде [Гагиева, 2022]. Канцелярия воеводы в г. Яренске, как и на соседних территориях, состояла из столов

и повыйтий. Руководили ими подьячие. Количество их варьировалось от двух до пяти человек. В Яренском уезде таких было три человека. В аппарат входили и пищики, которые осуществляли делопроизводство. Известно, что делопроизводство в начале XVIII в. определялось как приказное и правил по делопроизводству не было. Не было регламентов, правил оформления и хранения документов. Все, кто «вершил дела» не имели ни образования, ни четко определенных служебных функций. Приказное делопроизводство базировалось на «столбцовой форме», когда текст писался на узкой полосе бумаги, а ее обратная сторона пестрела резолюциями и пометами. Каждый кусок склеивался, и в результате, получался длинный столп, который достигал несколько десятков метров.

Лишь с 1720 г. начинают публиковаться Регламенты, касающиеся делопроизводства: Генеральный регламент 1720 г., Табель о рангах 1722 г., штаты, реестры, указы о структурах учреждения на местах и т. д. [ПСЗРИ-І. Т. V. № 3303, 3890, 3318, 3466, 3534, 4378]. При этом особое внимание обращалось на регистрацию документов, правильное ведение дел и контроль. Обязательным реквизитом стала подпись под документом. Дела стали передавать на архивное хранение. Отменялась «столбцовая» форма, взамен которой утвердилась тетрадная [РГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 258–279; оп. 2, д. 28–83].

Контроль над деятельностью всех должностных лиц иногда осуществлял «товарищ воеводы», а если такового не имелось, то обязанности возлагались на более опытного подьячего. Кроме этих должностных лиц, в воеводском управлении была учреждена должность переводчика с коми языка на русский, так как многие служилые люди не знали коми языка [Гагиева, 2022]. После образования Усть-Сысольского уезда должность воеводы была ликвидирована и судебные функции были преданы Усть-Сысольскому уездному суду [История..., 2004, с. 218–220].

Проживающее здесь население в основном относилось к категории черносошных, а с начала XVIII в. – государственных крестьян, которые не знали крепостной зависимости, платили налоги и исполняли государственные повинности в пользу государства. Последнее являлось собственником всей земли, включая удобные и неудобные для хлебопашества земли. Государство передавало право пользования землей общинам, территориально совпадавшим с волостями. За это они должны были выплачивать налоги и исполнять повинности. Волости, где проживало крестьянское население, являлись административными и поземельными единицами. Сложившаяся на протяжении длительного времени крестьянская община по своей структуре и функциям напоминала общину Европейского Севера, но имела свои особенности при распоряжении землей [Гагиева, 1987, с. 19–21].

Все земли сами крестьяне делили на «мирские», находящиеся в общем пользовании всех крестьян волости, и личные. Причем пашня и сенокос в большинстве случаев состояли в бессрочном условном индивидуальном крестьянском пользовании. Известно, что с 1766 г. правительство запрещало обращение с землей внутри волости, но крестьяне края продолжали активно и свободно продавать, покупать, передавать по наследству, обменивать свои участки [НА КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 12, д. 45, л. 67–69, 149, 150–151 и др.]. Иногда на этой почве возникали споры и конфликты. Для их разрешения существовали мирской сход и выборное крестьянское управление. Если земля не выходила из тягла и поземельная сделка не затрагивала интересов односельчан, то позиция общества была нейтральной. Должны были быть соблюдены все формальности: подготовлены документы и заплачены пошлины. Если же возникали споры и было обращение к представителям крестьянского управления, то для их разрешения собирался мирской сход. В 1772 г. в Палевицкой волости на мирском сходе разбирались челобитная Ивана Шуктомова о разделе между братьями сенокосных и пашенных земель. В документе отмечалось, что отец разделил землю между братьями, но Ивану достался «худший участок... и его [Ивана] избидели» [РГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 666, л. 35]. Он просил пересмотреть раздел и дать ему более удобные участки. Аналогичная жалоба рассматривалась в Часовской волости в 1765 г [РГАДА, ф. 609, оп. 2, д. 121, л. 18]. Ни в том, ни в другом случае община не встала на сторону истцов, так как земля была передана и разделена по наследству, о чем имелись подтверждающие документы и свидетели.

На протяжении исследуемого периода количество подобного рода дел, обсуждаемых на мирских сходах, постоянно возрастало. Этому способствовало и Генеральное межевание земель, проведенное в крае в 1784–1786 гг. По его итогам крестьянское землевладение было ограничено. Каждой волости были отведены так называемые дачи (усадебные, сенокосные земли, выгон, лес, неудобные земли) из расчета 15 дес. на одну ревизскую душу. Расчищенные ранее земельные участки, находящиеся в 15 верстах от селений, не попадали в крестьянский земельный фонд волости [ПСЗРИ-I, т. 17, № 12659.] Они были отмежеваны в казну и превращены в казенные оброчные статьи. Крестьяне теряли землю и пытались доказать свое право на владение участками на мирских сходах, а если этого не получалось, то обращались к уездным властям. В этом случае мир всегда защищал интересы односельчан.

Кроме индивидуальных, в каждой общине существовали мирские земли: участки под улицами, лежащие «впусте» (не введенные

в сельскохозяйственный оборот), пастбища, реки, леса и др. За них необходимо было выплачивать налоги, которые собирались со всех крестьян волости, что было обременительно. Довольно часто решением мирского схода часть этих земель отдавалась на откуп односельчанам. Источники показывают, что получить их можно было на разных основаниях: посредством аренды, покупки, выкупа и т. д.) [РГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 399, л. 2, 7; д. 245. л. 3–5; д. 156, л. 6–9 и др.]. При сделке оформлялись следующие документы: письменное решение мирского схода, предоставлялся документ – крепость на владение землей и квитанции об уплате пошлин. В решениях схода оговаривалось, что если участок не содержался «в культурном состоянии» – зарастал кустарниками и травой, он должен был вернуться в разряд мирских. Например, так поступили в 1776 г. с арендованной у мира землей крестьянина Визингской волости Дикоева, который «землю запустил, причитающие деньги не платит и все пропил» [РГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 399. л. 1–47].

Для выплаты постоянно растущих денежных налогов община на изучаемой территории сдавала в аренду земли купцам, мещанам, промышленникам. В основном это были земли, смытые в одном месте и нанесенные в другом, сенокосы, промысловые угодья и др. На протяжении всего изучаемого периода число таких сделок постоянно росло. Если одна из сторон не выполняла взятые на себя обязательства, то окончательное решение оставалось за уездной администрацией.

Роль крестьянской общины в урегулировании поземельных конфликтов в крае наиболее ярко проявилась при защите мирских земель от посягательств частных лиц: заводовладельцев, купцов и мещан. Об этом неоднократно упоминалось в работах исследователей. Крестьянские организации активно отстаивали свои права на пользование землей. Судебные тяжбы длились годами, и довольно часто крестьянские «миры» выходили победителями [Мальцева, 1983, с. 52].

Аналогичную позицию занимали крестьянские организации, когда наблюдались злоупотребления со стороны правительственных чиновников, – при проведении межевания, когда те нередко шли на поводу у посадских людей и записывали крестьянские земли в их владение. Так, в общее владение Усть-Сысольских купцов было размежевано более 350 дес. земли, которыми пользовались крестьяне деревень Озел, Сейты и других населенных пунктов [История..., 2004, с. 238]. В результате судебных разбирательств купцам и мещанам пришлось заплатить штраф. Для подачи челобитной, а позднее – доношения в уездный суд необходимо было подготовить пакет документов: написать челобитную, приложить решение мирского схода, показания свидетелей, копии купчих и т. д. Все это требовала времени и опреде-

ленных денежных затрат. Положение усугублялось тем, что требования к оформлению документов постоянно менялись.

Если в начале изучаемого периода подготовка и подача жалоб в вышестоящие органы не была регламентирована, то к концу столетия было прописано, что «сделки купли-продажи и обмена недвижимого имущества следует составлять и регистрировать» в течение определенного срока в региональных органах власти. Если в начале изучаемого периода для оформления сделок на землю достаточно было устной договоренности между участниками сделки, решений мирского схода и их подтверждение в органах власти, то в последующее время все сделки должны были оформляться только в письменном виде.

Изменяя систему делопроизводства, власть не учитывала готовность «государевых людей» к изменениям. В изучаемое время отсутствовали какие-либо документы, регламентирующие оформление, контроль над исполненными документами, сроки и др. Все делопроизводство на изучаемой территории было построено на традиции, личном опыте писаря, который «по памяти» мог оформить документы. Опыт и длительность пребывания в должности были основными показателями успешности такого деятеля. Необходимо было не только помнить состав документа, но и ориентироваться в основах приказного делопроизводства. Введение новой системы приводило к многочисленным ошибкам, когда поданный документ приходилось переписывать заново, приглашать свидетелей и, в конечном счете, принимать новое решение.

И дело было не только в том, что какой-то подьячий воеводской канцелярии не знал основ коллежского делопроизводства, а в том, что в государственной деревне отвечавшие за делопроизводство люди не были готовы к изменениям в правилах документирования. Это приводило к сохранению прежних делопроизводственных форм. Автоматически они продолжали функционировать и на уровне мирского самоуправления. В результате это оказывало влияние на развитие судебной практики в вопросах землепользования.

Рассматривая роль крестьянской поземельной общины в урегулировании поземельных конфликтов, нельзя не сказать о земельных переделах. Известно, что сразу же после проведения межевания правительство стало вводить в практику общегосударственное санкционирование уравнения всех земельных владений государственных крестьян. Этому вопросу была посвящены «Инструкция землемерам, к Генеральному всей империи земель размежеванию 1766 г.», и законы 1797–1798 и 1800 гг. Переделы становились обязательными. Они поддерживались государственной властью и должны были, по мне-

нию верховного собственника земли, помочь тем, кто не имел 15-десятиной нормы. Так, по Закону 1798 г. казенным палатам предписывалось учинить «разверстку земель между казенными крестьянами совершенно уравнительную по всей губернии единожды» [ПСЗРИ-1, т. 26, № 16662, 19500, 19639 и др.]. Разверстку должны были проводить чиновники администраций совместно с мирским управлением и с согласия мирского схода.

Как показывают исторические источники, классических валовых переделов в волостях края не проводились. Однако о частных переделах существуют некоторые косвенные упоминания. Так, в окладной книге земского целовальника Гамской волости Яренского уезда Михаила Авакумова за 1764 г. при раскладке оброчного сбора между крестьянами для определения их состоятельности была учтена вся волостная земля, включая личные и мирские земли. В результате пересмотра норм наделенной земли из 50 домохозяев у 34 изменилось земельное обеспечение [РГАДА, ф. 609, оп. 2, д. 172, л. 14–17об.]. Такая же переверстка-передел, по свидетельству источника, наблюдалась в Ленской волости в 1774 г., когда «сотские и мирские люди учинили уравнительную разверстку, которой с 1770 г. не было» [РГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 669, л. 222]. Разверстка земли проходила прежде всего с учетом изменений в хозяйственном состоянии крестьянина.

Крестьянский «мир» поддерживал переделы, так как это позволяло снизить налоговую нагрузку для отдельных категорий крестьян и перераспределить ее в пользу более крепких в экономическом плане.

Как и в предыдущий период, в XVIII в. на территории Европейского Севера и Коми края господствовала территориальная соседская община, границы которой совпадали с административной единицей – волостью. По структуре и задачам она напоминала вотчинную общину центра России и имела общие черты с подобными организациями финно-угорских народов: наличие общих земель, солидарность при отстаивании земельного фонда волости и др.

Вместе с тем, на территории Коми края поземельная функция общины на протяжении XVIII столетия приобрела ряд специфических черт. Во-первых, здесь наряду с мирским землепользованием активно развивалось индивидуальное. Крестьянский мир контролировал количество земли в каждом хозяйстве, поддерживал и сохранял взгляды крестьян на землю как на собственную. Он разрешал поземельные споры и не прибегал при этом к помощи уездной администрации. Во-вторых, к концу изучаемого периода община сама стала активным участником поземельных операций. Она сдавала в аренду, заключала договоры с заводчиками и купцами на пользование теми или иными участками из мирского земельного фонда. При любой форме соблю-

далось одно условие – исправная выплата поземельного денежного налога. В-третьих, к концу XVIII в. задачи по урегулированию поземельно-хозяйственных отношений в общине усложнились, что было связано с рядом правительственных мероприятий, которые привели к усилению крестьянского малоземелья и нищеты. Переделы, которые представлялись власти выходом из сложившейся ситуации, на изучаемой территории не стали массовыми.

Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976.

Балуева Д. Д. Из истории земельных отношений в Коми крае в XVIII в. // Историко-филологический сборник. Вып. 4. 1958. С. 50–59. (а)

Балуева Д. Д. Имущественное расслоение и развитие отходничества в Коми деревне к середине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1958. С. 220–231. (б)

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере. XVII в. Т. 1. М.: Синод. типограф., 1909–1912.

Большаков М. Община у зырян // Живая старина. Вып. 1–4. СПб., 1909. С. 110–130.

Государственный архив Вологодской области. Ф. 844. Вологодская палата суда и расправы. Город Вологда Вологодской губернии (1796–1801).

Гагиева А. К. Влияние российской модернизации на систему управления в Коми крае в XVIII в. // Вестн. архивиста. 2021. № 3. С. 779–790.

Гагиева А. К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

Гагиева А. К. Система уездного управления в Коми крае в конце XVII – первой половине XVIII вв. // Ежегодн. фин.-угор. исследований. 2022. Т. 16. № 1. С. 121–128.

Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: русское население и земледельческое освоение. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1965.

История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981.

История Коми: с древнейших времен до конца XX в. В 2-х т. Т. 1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004.

Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90–95.

Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Наука, 1978.

Колесников П. А. История Европейского Севера СССР феодальной и капиталистической эпох в дореволюционной и советской литературе // Вопросы аграрной истории. Вологда: [б. и.], 1968. С. 467–469.

Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в.: к вопросу об эволюции аграрных отношений в российском государстве. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, Вологод. отд., 1976.

Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л.: Наука, 1984.

Кузьмин Е. П. Марийские государственные крестьяне в системе судопроизводства уездных воевод в XVIII в. // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность : материалы III Всерос. (IX Межрегион.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. С. 241–246.

Красноперов И. Зырянская община на Севере России // Землевладение. Кн. 2. М.: изд. тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и КО), 1908. С. 123–125.

Мальцева А. К. Роль общины крестьян Коми края в вопросах землевладения и землепользования // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар: [б. и.] 1983. Вып. 29. С. 39–54.

Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. Русское население и сельскохозяйственное освоение. Новосибирск: Наука, 1991.

Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН [НА КНЦ УрО РАН].

Ф. 1. Президиум Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (1910–2011).

Ф. 5. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (1970–2008).

Никитина Л. Н. Соседская община у удмуртов в пореформенный период (1861–1900 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Т. 1.

Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I (ПСЗРИ-I). СПб., 1830.

Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX века Л.: Наука, 1981.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 609. Яренская воеводская канцелярия.

Смирнов И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт // Межэтнические связи населения Марийского края. Вып. 20. Йошкар-Ола, 1991. С. 94–122.

Соколовский П. А. Очерки истории сельской общины на Севере России. СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1877.

УДК 94(470.5).072/073

А. А. Бакшаев

ВКЛАД НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ОРГАНОВ ВОЕННОГО И ГОРНОГО ВЕДОМСТВ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ГОРНЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В статье характеризуется деятельность органов военного и горного управления по совершенствованию техники и технологий производства военной продукции на горных заводах Урала. Отмечается, что в первой половине XIX в. в структуре военного и горного ведомств действовали как постоянные научно-технические органы (Ученый комитет по артиллерийской части, Военно-ученый комитет), так и временные комитеты и комиссии, создававшиеся для выполнения конкретных задач. В частности, Ученый комитет по артиллерийской части совместно со специалистами